

Институт этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН

**АЛЬМАНАХ
КОНФЕРЕНЦИИ
МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ**
Института этнологии и антропологии РАН

ВЫПУСК III
Москва, 6-10 декабря 2021 г.

Москва
2023

УДК 39+9+316
ББК 63.3+63.5+60.524
А 57

*Публикуется в соответствии с планом научно-исследовательских работ
Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН*

Рецензенты

А.Н. Кожановский, канд. ист. наук, с.н.с. Центра
европейских и американских исследований ИЭА РАН;
Н.В. Казурова, канд. ист. наук, с.н.с. Музея антропологии
и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН

Редакционная коллегия

А.С. Басов, Е.А. Белоногова, М.В. Васеха, А.А. Власенко,
А.И. Громова, В.В. Илизарова, Д.А. Каунов, М.П. Кляус, Н.С. Любимова,
М.А. Мочалова, Н.А. Маничкин, С.А. Орешин (отв. ред.), Т.Н. Самарина,
Э.М. Сеитов, П.А. Серин (отв. ред.), Т.А. Сюткина, К.П. Трофимова,
Д.А. Трынкина, В.В. Федюшин, Т.С. Чабиева, Д.Г. Чубукова

**А 57 Альманах Конференции молодых ученых Института этно-
логии и антропологии РАН. Вып. III / отв. ред. П.А. Серин,
С.А. Орешин. М.: ИЭА РАН, 2023. – 279 с.**

ISBN 978-5-4211-0298-4

Сборник включает в себя статьи этнологов, антропологов, социологов, политологов, историков, культурологов, участвовавших в научно-практической конференции молодых ученых «Актуальные вопросы этнологии и антропологии», которая проходила 6–10 декабря 2021 г. в ИЭА РАН. Статьи данного сборника посвящены проблемам исторической антропологии и антропологии памяти, гендерных аспектов антропологии повседневности, реализации государственной национальной и языковой политики, медицинской и цифровой антропологии, исследованиям эзотеризма. Представленное издание предназначено как для специалистов в сфере социокультурной антропологии, так и для широкого круга читателей, интересующихся вопросами современных исследований в сфере социокультурной антропологии.

УДК 39+9+316
ББК 63.3+63.5+60.524

ISBN 978-5-4211-0298-4

© Институт этнологии и антропологии РАН, 2023
© Коллектив авторов, 2023

Содержание

Введение	5
Раздел I. Этнологические и этнографические исследования	
Медицинские, гендерные и социальные аспекты ритуальной практики зар в Омане и Южном Иране (<i>Маничкин Н.А.</i>)	12
«Знала она щось, поэтому и умэрала так долго...»: мотив трудной смерти «знающего» в традиции украинского анклава Саратовской области (<i>Чубукова Д.Г.</i>)	23
Магические практики в контексте контркультурного осмысления психоделической революции: рациональное и мистическое (<i>Вишняков А.В., Михайлов А.Е.</i>)	35
Мусульманский салон красоты «Амина»: точка сбора сообщества и бьюти-процедуры по шариату (<i>Крапивин И.С.</i>)	43
Этноконфессиональные группы Урало-Поволжья: миграция и религиозные трансформации (XVI – нач. XX в.) (<i>Севастьянов И.В.</i>)	50
Паломнические печати «госюин» в современном японском обществе (<i>Судакова А.А.</i>)	62
Восприятие Великой Отечественной войны современной молодежью в рамках поискового движения (<i>Лицарева А.Ф.</i>)	75
Образ поляков в массовом сознании жителей Смоленской области (<i>Пашкова И.В.</i>)	86
Добыча мамонтового бивня на Севере Якутии: формирование промысла, быт и поверья (<i>Федорова А.Р.</i>)	97
Conflictos socio-ambientales y derechos humanos: Una mirada al extractivismo en territorios indígenas latinoamericanos (<i>Diego García Pérez</i>)	106
Материалы археологических исследований на территории Самарской Луки в 2020 году (могильники Малая Рязань I и Брусяны II) (<i>Классен К.С.</i>)	118
Раздел II. Исследования этнополитических и языковых процессов	
<i>Po naszymu</i> : алфавитные войны и спор об идентичности в Верхней Силезии (<i>Васюков А.Д.</i>)	130

Алфавит как часть языковой политики черкесской диаспоры Турции (<i>Погуляева Е.В.</i>)	144
«О том, что называют мексиканской антропологией»: кризис индихенистской антропологии в Мексике в 1970-е годы (<i>Молодчикова Т.С.</i>)	152
Использование сервиса Google Maps для визуализации и пространственного анализа этнографического материала (на примере сводной карты финно-угорского субстрата в Закавказье, Республика Татарстан) (<i>Темиргалеев Р.Ф.</i>)	163
Основные цели функционирования низовых инноваций в образовании на примере Республики Дагестан (<i>Андреева А.А., Томасова Д.А.</i>)	180
К некоторым вопросам организации этнокультурного пространства городов Кавказских Минеральных Вод (<i>Хачатурова Б.И.</i>)	193
Институты еврейской общины в постсоветской России: история развития и типология форм (<i>Падалко С.С.</i>)	201
Чеченское этнополитическое движение в период перестройки (1988–1991 гг.) (<i>Орешин С.А.</i>)	212
Этнополитическая программа современных парламентских партий РФ (<i>Кишов А.С.</i>)	225
Влияние COVID-мемов на формирование образов итальянских и немецких политических деятелей и партий (<i>Костеж В.А., Кульман Е.В.</i>)	235

Раздел III. Гендерные исследования

Особенности меморизации повседневности иностранок в России в XVIII – первой четверти XIX в. (по данным источников личного происхождения) (<i>Кокорина Г.А.</i>)	245
«Мужской мир» в дворянских мемуарах во второй половине XIX – начале XX в. (<i>Трегубова М.С.</i>)	254
Антропология женских и мужских профессий Ижемского района Республики Коми (<i>Володина Е.С., Гаврилова А.Д.</i>)	263
Сведения об авторах	276

Восприятие Великой Отечественной войны современной молодежью в рамках поискового движения

А.Ф. Лицарева

Аннотация. Статья посвящена сформированному в массовом сознании образу типичного поисковика – положительного персонажа, не просто интересующегося историей страны и семьи, а старающегося в окружении единомышленников сохранить память о героях Великой Отечественной войны. Нередко поисковик воспринимается обществом и окружением как «чужак со странным хобби». Он также обладает чертами неотмирности, т.к. может предсказывать местонахождения останков советских солдат, общаться с представителями мира мертвых. Данные черты выделены благодаря анализу публикаций участников тематических групп в соцсетях, текстам блогеров и представителей СМИ, в том числе и рассказов о рационально необъяснимых случаях в жизни поисковиков. Отмечается аксиологическая категория, выступающая в нарративах об их деятельности.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, поисковые отряды, образ типичного поисковика, фольклор поисковых отрядов, память о войне, увековечивание памяти.

Abstract. The article is devoted to the image of a typical searcher formed in the mass consciousness – a positive character, not just interested in the history of the country and family, but trying to preserve the memory of the heroes of the Great Patriotic War surrounded by like-minded people. Due to this, the search engine is often perceived by society and the environment as an oddball with a strange hobby. In many ways, these features are highlighted thanks to the publications of the participants of thematic groups in social networks, texts of bloggers and media representatives, the placement on sites of mystical and paranormal orientation of information about unexplained rationally cases in the life of search engines. Thanks to the identification of numerous folklore motifs and plots in the work of the search engine, features of non-worldliness appear in its appearance, the ability to predict the location of the remains of Soviet soldiers, communicate with representatives of the world of the dead. In addition, in narratives about the activities of the search engine, the axiological category often comes to the fore.

Keywords: The Great Patriotic War, search teams, the image of a typical searcher, folklore of search teams, memory of the war, perpetuation of memory.

Исследовательская работа проведена в рамках подготовки кандидатской диссертации «Мотивы и сюжеты традиционного фольклора в устных рассказах о Великой Отечественной войне». Ее актуальность связана с интересом к теме Великой Отечественной войны у многих представителей современной молодежи. Об этом свидетельствуют сочинения, выступления, доклады, посвященные военному прошлому страны, своего региона, района, семьи, а также издательские проекты. Значительное место здесь занимает развитие поискового движения, интерес к которому среди молодых людей, а также любителей истории, журналистов и российского общества в целом очень высок.

Цель статьи – исследование представлений и установок «типичного поисковика», которые существуют в данном сообществе, а также в восприятии окружающих людей (во многом благодаря средствам массовой информации и Интернету). Были поставлены следующие задачи: записать в среде поисковиков тексты, отражающие мировосприятие молодежи (на момент записи текста информантам было меньше 30 лет, средний возраст рассказчиков – 20 лет); выявить отношение поисковиков к Великой Отечественной войне, ее героям и антигероям, к погибшим красноармейцам и останкам вражеских солдат; узнать и проанализировать причины прихода в поисковый отряд; описать основные особенности мировоззрения «типичного» поисковика. В дальнейшем для того чтобы показать типичность или массовость некоторых явлений в статью были добавлены тексты поисковиков старшего поколения.

Подобного рода исследования предполагает полевой сбор информации. Но в данном случае «погружение» в поисковую среду было осуществлено без включенного наблюдения во время их работ: несколько сотен текстов записаны от поисковиков из различных регионов России непосредственно в ходе продолжительного общения в обычное время (вне раскопок), а именно – специально выделенное для встречи и записи нарративов время; после завершения «Вахты памяти» на месте захоронения останков солдат; во время или после различных патриотических мероприятий с участием молодежи, в т.ч. из среды поисковиков. Кроме того, использо-

ваны статьи, книги, фильмы, связанные с поисковым движением (в т.ч. документальные, среди которых были и предоставленные поисковиками из архивов их отрядов).

Автором статьи был составлен опросник, по которому поисковики давали свои развернутые ответы при личной встрече, по телефону, электронной почте, в мессенджерах и т.д. (за основу был взят и расширен вопросник для работы с поисковиками (Балашова 2016: 18–22).

Исследователи, занимающиеся историей поискового движения, как правило, все источники информации условно разделяют на «пять блоков: печатные, архивные, материалы раскопок и поисковой разведки, материалы бесед и интервью со свидетелями боев Великой Отечественной войны, периодическая печать» (Цуканов 2007: 20). Архивные источники мы использовали только опосредованно – через данные в монографиях и статьях. Материалы раскопок и поисковой разведки (за исключением дневников экспедиций) фактически были вне нашего внимания, поскольку они не отражают фольклорную составляющую деятельности поисковиков.

Из публикаций, отчасти затрагивающих описанную в данной статье фольклорную составляющую образа поисковика, прежде всего, нужно назвать работы А.Ф. Балашовой о связи с кладоискательской традицией (Балашова 2014: 59–70), о взаимодействии с миром мертвых (Балашова 2015: 46–48).

В СМИ поисковиков нередко называют заканчивающими войну людьми; похоронной командой, особой кастой, на которую возложены надежды на мемориализацию и сохранение памяти о войне (дабы история не повторилась).

Мы выделили некоторые отличительные черты характера, мировосприятия, присущие молодежи в поисковой среде. В целом они противопоставляют поисковика презираемому в изучаемой среде «черному копателю», едущего в поле ради наживы, а не с целью восстановления и увековечивания памяти погибших.

Поисковик, как правило (если речь идет о мужчинах – обычно у них «за плечами – армия» без попыток «откосить»), имеет хорошую физическую подготовку. Он патриотично настроен, любит свою страну, интересуется ее историей и географией. У поисковиков есть примеры для подражания как среди основателей поисковых отрядов, так и среди исторических личностей. Они презирают черных копателей и всех, кто пытается нажиться на памяти о кровопролитной войне. Поисковики часто говорят, что в лесу ощуща-

ют людей настоящими, без условностей, вне системы, которой при-
сущи взяточничество, казнокрадство, мошенничество и т.п., кото-
рую невозможно изменить.

Поисковики знают о войне не только из книг, но и от ветеранов,
в т.ч. из рассказов своих родственников; со слов жителей близле-
жащих к местам раскопок деревень.

Поисковик также ценит настоящих друзей, верит в них. Как
правило, поисковая дружба сравнивается с фронтовым товарище-
ством. Общеизвестно, насколько «высоко оценивают многие фрон-
товики отношения внутри своих воинских коллективов и боевое
товарищество» (Кринко 2020: 17).

Поисковик хорошо разбирается в анатомии, в технике (обычно
это приходит не сразу, а с опытом; иногда связано с выбранной
профессией).

Поисковику важно достать каждую косточку красноармейца,
чтобы похоронить «по-человечески», прежде всего, в соответствии
с православной традицией, по возможности – с воинскими почте-
стями. Но и над останками врагов он не глумится (такое можно
увидеть в фильмах о «черных копателях», например, «Заберите
своих мертвецов», «Мы из будущего»), обычно передает через по-
сольство координаты нахождения останков немецких солдат пред-
ставителям гуманитарной общественной организации «Народный
союз Германии по уходу за военными захоронениями» (нем.
Volksbund Deutsche Kriegsgräberfürsorge).

Бытует мнение, что у некоторых поисковиков, нередко именуе-
мых остальными членами отряда «избранными», есть дар чувство-
вать нахождение солдата: их словно кто-то ведет к месту захороне-
ния. Они видят вещие сны о грядущих событиях и сны о войне, к
ним во сне и наяву приходят красноармейцы с просьбой найти их.
*«Говорят, ночью то ли с полей возвращались, то ли в туалет ре-
бята выбежали, и увидели на дороге строй наших солдат, одетых
по сорок первому году. Днем решили копать на обочинах того
участка дороги, где видели строй, и вроде бы нашли немерено бой-
цов»* (Зап. от Кюлленен В.Г., 1988 г.р., Санкт-Петербург [ПМА]).

Поисковиков тянет в лес. Они не могут не ехать на раскопки,
если уже побывали в подобной экспедиции. Часто в поисковую
экспедицию берут с собой вторую половинку, детей, иногда – с
очень раннего возраста. Известны поисковые династии (например,
Лишиных), в которых уже несколько поколений ездит в лес искать
погибших красноармейцев.

Многие молодые поисковики впервые выезжают на раскопки с родителями-поисковиками, с одноклассниками или одногруппниками, своими педагогами. Некоторые поисковики-студенты являются реконструкторами.

Молодежь нередко верит в приметы, соблюдает традиции, в т.ч. традиции отряда. Поисковики-школьники и некоторые студенты в числе традиций отряда называют церемонию посвящения в поисковики с полосой препятствий, обряд «задабривания» хлебом Земляного Деда (хозяина леса) для получения останков солдат в качестве благодарности (у православных поисковиков таких поверий нет, они молятся перед началом работы и в конце дня), рефлексию у вечернего костра или церемонию «свечка» с передачей свечи говорящему в данный момент (обычно в среде поисковиков речь идет о передаче кружки с алкоголем по кругу и тостами за ушедших в мир иной красноармейцев и поисковиков), «правило поднятой руки», правило обсуждения или высказывания замечаний через «Я-сообщения». Существуют и локальные традиции. Например, в конце «Вахты памяти» отпускать в небо бумажные фонарики под песню «Журавли». Есть красивая традиция «последний строй»: отдача найденным солдатам последних почестей поисковиками.

«В нашем отряде существует такая традиция или даже поверье, как утренний паёк для дедушки, который охраняет души погибших солдат. Каждое утро мы по приезду на поле работы откапываем ямку и кладем туда конфеты, хлеб, спирт, печенье и сигарету для того, чтобы дедушка отдал нам останки бойцов» (Зап. от Ермаковой Г.С., 2002 г.р., пос. Пробуждение Энгельского р-на Саратовской обл. [ПМА]).

Великую Отечественную войну поисковик воспринимает как значимую часть истории родной страны, страшную трагедию, о которой нельзя забывать. Поэтому поисковики пишут статьи (или паблики в соцсетях) о героях войны, выступают перед школьниками, занимаются исследовательскими проектами, связанными с темой войны, участвуют в работе краеведческих, школьных, студенческих музеев. Именно поисковики нередко становятся инициаторами помощи участникам войны, привлекают внимание общественности к проблемам, связанным с мемориализацией; ухаживают за воинскими захоронениями.

«Сколько бойцов подняли лично Вы? Сколько бойцов за последнюю вахту поднял Ваш отряд?»

– *Я не веду никакого личного счета, это не спорт, поймите правильно. Отряд поднял достаточно много бойцов, что в очередной раз доказывает масштаб и характер той страшной войны»* (Зап. от Черепанова А.В., 1995 г.р., Москва [ПМА]).

Кроме того, война, согласно многочисленным нарративам, воспринимается и в мистическом ключе. Одна из причин того, что на первый план иногда может выходить не героическая составляющая, а необъяснимые явления – влияние массовой культуры на мировоззрение молодых людей: просмотр фильмов и телепередач о паранормальных явлениях, посещение сайтов соответствующей тематики, чтение «желтой прессы» и проч. Как правило, рассказов о необычном нет в воспоминаниях людей, в школьные годы называвших себя следопытами и ходивших в походы с руководителями (обычно – учителями) по местам бывлых сражений, собирая экспонаты для школьных музеев (эксгумацией останков красноармейцев дети не занимались).

«Какие запреты есть у членов Вашего отряда? Можете ли Вы попробовать их объяснить?»

– *В нашем отряде я ничего подобного не слышал, но есть одно ограничение, распространяющееся на всех: найденный тобой предмет – собственность коллектива. Дальше или передаем в музей или родственникам погибшего бойца, если что-то было найдено непосредственно при нем»* (Зап. от Черепанова А.В., 1995 г.р., Москва [ПМА]).

Поисковики рассказывают о хрономиражах – оптическом аномальном явлении, когда можно увидеть или услышать (иногда даже почувствовать с помощью обоняния) события, происходившие в прошлом: появляется военная техника, солдаты в форме времен Великой Отечественной войны бегут в атаку с криками, в воздухе витает запах махорки. Среди объяснений поисковиками этого явления – наполнение конкретного места сгустком энергии, аккумулирующей многочисленные человеческие страдания.

«Хрономиражи не модное слово, а явление, и на местах боев частое – имел удовольствие наблюдать и даже несколько раз запечатлеть на фото. <...> Я неоднократно эту историю рассказывал, вероятно, она прошла мимо Вас. Ну что ж, повторяю. Август. Я наткнулся в одной из почти сухих воронок на мелкие останки – части черепа. Спустился и, перебирая грунт дна, выкидываю его на бруствер. Я слышал треск сломанной ветки и был уверен, что

кто-то подошел, точнее, подошли, но в тот момент в земле пошло часть предплечья, и я был занят и был абсолютно уверен, что это кто-то из ребят поисковиков. Когда за моей спиной у воронки раздалась немецкая речь, доставая останки, я подумал: ребята дурачатся и сейчас выкрикнут типа «Руки вверх» или «Гитлер капут». Но когда я извлек кость и повернулся, на бруствере никого не увидел, и когда вылез из воронки, рядом тоже никого не оказалось. Все это занимало от силы минуты три – четыре, если бы я не увидел на свежесброшенной мной земле четкий след немецкого кованого ботинка. <...> В воронке были останки советского солдата, и тому было достаточно подтверждений из личных вещей. А вот почему немецкая речь, я не знаю, но она реально отличается от иной. Да главное в той истории даже не речь, а след. Историй вообще много и, конечно, не только за меня. Просто я предпочитаю говорить за то, что знаю наверняка. Прикрепляю фото, где в центре кадра в масхалате боец. Вот такие кадры – частое явление тех мест – хрономиражи» (Зап. от Арбузова Г.Е., 1967 г.р., г. Фурманов Ивановской обл. [ПМА]).

Говорят поисковики и о локальном изменении погоды во время раскопок. *«Ездили в Погорелое Городище. Вроде примета есть такая, что если дождь, журавли, аист, значит, верно, бойца поднимешь. Копаем яму, над нами аист летает. Вдалеке журавли голосят. Дождь начинает идти. А бойца нет. Шурфанули* на 2 метра в местах, где санитарку местные аборигены сделали – и ничего. Одну кость плечевую нашли. Вот и верные приметы. Причем так постоянно, как туда приедем. Ребятам в Ржев звонили – солнце, в майках все. А у нас дождь»* (Зап. от Власова И.И., 1989 г.р., Москва [ПМА]);

Техника (навигаторы, камеры, фотоаппараты) может перестать работать или, наоборот, при проявке пленки или просмотре цифровых изображений или видеозаписей оказываются видны очертания людей, словно оставшихся на этом месте со времен войны. Здесь можно увидеть связь с приписываемыми гаджетам особыми свойствами – фиксировать то, что не воспринимает человеческий глаз. А из-за того, что может перестать работать даже компас, приходится ориентироваться на местности по солнцу, мху на деревьях, му-

* *«Шурфануть – шурф выкопать: вертикальную яму до материка, до материнской породы»* (Зап. от Власова И.И., 1989 г.р., Москва [ПМА]).

равейникам и т.п. *«По компасу ходить бесполезно: железа много – стрелка туда-сюда качается. Вбиваем координаты в GPS, и то отклонения бывают. Лучшие всего по солнцу ориентироваться: если выходили, солнце было с той стороны, значит, при выходе оно будет оттуда* (показывает рукой – А.Л.)» (Зап. от Парначевой С.Н., 1983 г.р., Сыктывкар [ПМА]).

Погибшие бойцы воспринимаются не как мертвые. Иногда ощущается их присутствие и даже помощь, покровительство. Об этом говорят как поисковики с большим опытом, так и молодые люди. *«Конечно, бывают неприятности, но иной раз, наоборот, такое ощущение, что мне помогают погибшие солдаты. И сын со своим первым словно подружился: рассказывал, что если он один против многих, то чувствует его присутствие рядом»* (Зап. от Кузьминой И.В., 1975 г.р., г. Старая Русса Новгородской обл. [ПМА]).

Порой примечательные совпадения воспринимаются как связь с прошлым. *«Выбрали место для отдыха, расположились. И он рассказывал о лошади в славянской мифологии. А до этого поисковики от местных слышали историю о погибших в данных краях красноармейцах, командир которых был на белом коне. Утром вылезают поисковики из палатки, а в лесу рядом с ними – белый конь. До ближайшей деревни – 5 км. Не по себе как-то стало. А потом нашли бойца, череп его лежал на копыте. Видимо, с конем вместе погибли»* (Зап. от Дзюбенко М.В., 1992 г.р. Москва [ПМА]).

Некоторые традиции поисковиков имеют связь с похоронно-поминальным обрядом: зажигание свечей, беседы у костра с передачей по кругу кружки с алкоголем для совершеннолетних (в некоторых отрядах действует «сухой закон» во время раскопок). *«Когда идет экспедиция “Вахта памяти” (10–12 дней), солдаты содержатся во временном захоронении. Стемнеет – поисковики зажигают свечи. Столько свечей, сколько каждый отряд нашел солдат»* (Зап. от Харитоновой И.А., 1983 г.р., Иваново. [ПМА]).

Иногда привносятся элементы из разных культур, в т.ч. связанные с современными увлечениями молодежи. Некоторые из них обрели свой новый смысл в международном ключе (журавликов из бумаги делали советские дети в память о жертвах Хиросимы и Нагасаки; здесь объединены образы фонариков и журавлей). *«Когда вахта памяти закончена, в лесу проходит траурный вечер. Поисковики отпускают в небо китайские фонарики под песню “Журавли”»: души нашли свой покой»* (Зап. от Трохова Е.А., 1989 г.р., Смоленск [ПМА]).

Есть личные наблюдения и поверья небольших коллективов, имеющих связь с событиями в фильмах ужасов, наделением некоторых предметов особыми свойствами. *«Про зеркала слышал в несколько другом варианте. Нельзя смотреть в зеркало, в которое человек смотрел перед смертью: или он тебя к себе затянет, или ты его вытащишь в наш мир, но только душой, без тела, так что одним призраком станет больше. И нельзя смотреть в “копаную” оптику: “вытащишь” в наш мир ту ситуацию, на которую смотрели тогда»* (Зап. от Васильева А.С., 1978 г.р., Великий Новгород [ПИМА]).

Многие приметы и поверья воспринимаются как соблюдение общепринятых моральных норм: не глумиться над останками, не лезть без необходимости в санитарные захоронения, чтобы за кощунственные действия не последовала расплата.

Нередки мемуары о «военных» снах поисковиков из их прошлой жизни. *«...Вижу, что бой идет в спортзале школы – стены обшарпаны, а где-то обвалились и обнажили кирпич, местами видны следы от пуль. Я среди обломков, с пулеметом Дегтярева. Со мной еще несколько ребят, но лица их вижу впервые. Черты стерты из памяти, а через проем в стене пытаются в здание попасть немцы»* (Зап. от Андрея Д., 32 года. Москва. [ПИМА]).

В поиск приходят по разным причинам, «большинство поисковиков начинали свой нелегкий болезненный труд где-нибудь в кадетских школах, турпоходах и т.д. Честь и хвала тем преподавателям, наставникам, тренерам и прочим командирам, которые по настоящему детям эти понятия доносят. А кто-то от скуки идет в поисковый отряд, кто-то за романтикой, кому-то от нудных родителей в лес сбежать. По-разному люди поиском заболевают. Но почти всегда неизлечимо» (Савельев, Пицко 2015: 12).

Свою работу, свое дело – от эксгумации останков до поиска родственников и патриотического воспитания молодежи – поисковики воспринимают как миссию, но не говорят по этому поводу громких слов. «Другая жизнь – бесконечна. В ней солдаты бессмертны. А цель поисковиков – помочь им уйти в землю по людски, чтобы небо окончательно приняло их» (Мирная 2013: 263).

В поисковой среде часто цитируют высказывание А.В. Суворова о том, что «войну нельзя считать законченной, пока не похоронен последний погибший солдат». В целом поисковики говорят о нужности их работы, объясняя это как рациональными доводами (необходимостью вернуть из небытия имена красноармейцев, пока-

зять молодежи «живую историю»), так и апеллируя к представлениям о справедливости, возмездии, разного рода мистическим трактовкам: «*Не раз в разговоре слышал такую идею, что поисковики – в прошлой жизни солдаты, которые не вернулись с войны. Поэтому есть такие люди, которые из года в год возвращаются на поля сражений, ищут останки и возвращают им имена*» (Зап. от Власова И.И., 1989 г.р., Москва [ПМА]).

Итак, наиболее яркие черты характера и мировоззрения настоящего поисковика следующие: патриотизм, знание истории страны, увлеченность военной тематикой, взаимопомощь, приоритет моральных ценностей над материальными, отсутствие громких слов, конкретная работа как в лесу и в архивах, так и встречи с подростками (иногда – выступление перед ровесниками), упорство, стойкость, честность, бескорыстность, желание найти правду.

Также собирательный образ включает в себя представления, связанные с фольклором: об удачливых поисковиках, о везении новичков, о соблюдении ряда запретов и примет, традиций, о взаимодействии с представителями иного мира (духами бойцов, хозяином леса и т.п.). Кроме того, поисковики, как правило, уже не представляют своей жизни без раскопок.

Список источников и литературы

1. *Балашова А.Ф.* Вопросник для работы с поисковиками как основа студенческих проектов в рамках элективных курсов // *Метапредметные образовательные технологии: Сборник научных статей / под общ. ред. Н.А. Самариной.* М.: «Буки Веди», 2016. С. 18–22.
2. *Балашова А.Ф.* Мир живых и мир мёртвых в представлениях поисковиков // *Живая старина.* 2015. № 2. С. 46–48.
3. *Балашова А.Ф.* Сюжеты преданий о кладах в повествовательной структуре устных рассказов поисковиков // *Известия Смоленского государственного университета.* 2014. № 2. С. 59–70.
4. *Ивакин А.Г.* Я живу в ту войну. Поисковые рассказы. URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/%D0%98/ivakin-aleksej/ya-zhivu-v-tu-vojnupoiskovie-rasskazi/11> (дата обращения: 10.12.2021).
5. *Кринко Е.Ф.* Человек на войне: что о нем пишут исследователи и что он сам рассказывает о себе // *Новое прошлое.* 2020. № 4. С. 8–24.
6. *Мирная И.* Другая жизнь. Сорок рассказов о поисковиках и их солдатах. Иваново: Наша Родина, 2013. 272 с.
7. *Савельев А., Пицко П.* Диагноз – поисковик. Сборник рассказов. СПб.: Изд-во ООО «ИПК БИОНТ», 2015. 176 с.

8. *Цуканов И.П.* История поискового движения в России в конце XX – начале XXI века: на материалах Курской области: дисс. канд. ист. наук. Курск, 2007. 237 с.

Информанты

1. Арбузов Геннадий Евгеньевич, 1967 г.р., г. Фурманов Ивановской обл. ПО «АрГиС». Запись 2021 г. ПМА.
2. Васильев Александр Сергеевич, 1978 г.р. Род. в Ленинграде, живет в Великом Новгороде, педагог по образованию, работает в социально-оздоровительном центре инвалидов «Родничок». ПО «Гвардия» (поисковая экспедиция «Долина» памяти Н.И. Орлова). Запись 2014 г. ПМА.
3. Власов Иван Игоревич, 1989 г.р. ПО «Катюша». Окончил аспирантуру МАИ. Москва. Записи 2014–2021 гг. ПМА.
4. Д. Андрей, 32 года. Москва. В армии не служил. Запись 2015 г. ПМА.
5. Дзюбенко Михаил Васильевич, 1992 г.р. Москва. ПО «Единогор». Заместитель декана факультета архивного дела по учебной работе ИАИ РГГУ, преподаватель колледжа. Записи 2012–2021 гг. ПМА.
6. Ермакова Галина Сергеевна, 2002 г.р. Выпускница 11 класса. Среднее общее образование. П. Пробуждение Энгельского р-на Саратовской обл. ПО «Память». Запись августа 2020 года. ПМА.
7. Кузьмина Ирина Викторовна, 1975 г.р., г. Старая Русса Новгородской обл. Писатель-фольклорист, собирательница легенд и сказок, лауреат международной литературной премии им. Сергея Есенина. ПО «Гвардия-шкраб» (г. Новгород). Запись 2019 г. ПМА.
8. Кюлленен Вера Геннадьевна, 1988 г.р., филолог; дошкольный педагог, педагог дополнительного образования, специалист по продвижению в соцсетях. Во время активных занятий поиском проживала в Санкт-Петербурге, сейчас – на юге России. ПО «Малая Охта», «Ирий», «Прометей». Запись 2016 г. ПМА.
9. Парначева Светлана Николаевна, 1983 г.р., г. Сыктывкар, воспитатель в дошкольном учреждении. ПО «Северная звезда». Работа в Старорусском районе Новгородской области. Запись января 2016 г. ПМА.
10. Трохов Егор Александрович, 1989 г.р., 2 высших образования, Смоленск, командир ПО «Медведь», запись 6 июля 2011 г. ПМА.
11. Харитонов Иван Александрович, 1983 г.р. Род. в г. Пучеж. Проживает в г. Иваново. Образование высшее. Системный администратор. ПО «Поиск». Записи 2014–2021 гг. ПМА.
12. Черепанов Александр Владимирович, 1995 г.р. Образование высшее педагогическое – историк (МПГУ). Москва. ПО «Витязь». Запись 2021 г. ПМА.